

Текстовый Процессор
представляет

РОГ ИЗОБИЛИЯ

секс, насилие, стыд, абсурд

Текстовый Процессор

Рог изобилия. Секс, насилие, смысл, абсурд (сборник)

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6890983

Рог изобилия: секс, насилие, смысл, абсурд.: Геликон Плюс; Санкт-Петербург; 2014

ISBN 978-5-93682-925-3

Аннотация

«Рог изобилия: секс, насилие, смысл, абсурд» – собрание из сотни экспериментальных творений различной направленности, включая коллекцию ранних проб «Рассказы из чулана». Сборник содержит философские притчи, случайные порывы и отрывки, безудержные фантазии, а порой и откровенное безумство. Объединяющим мотивом выступает неприкаянная душа автора, непрестанный поиск чего-то. Особой чертой почти всех произведений является их молниеносность, нацеленность на моментальное поражение зарядом мысли, чувства и стиля.

Содержание

Supremus	6
Американская мечта	8
Беспомощность духа	10
Беспомощность плоти	12
Благородных кровей	14
Божественное мясо	16
Брачная ночь	17
Быстрейший и неподвижность	18
Быстрорастворимый человек	19
В неизвестном направлении	20
Веди меня, ангел	22
Взаперти	23
Влюблённый пластик	28
Вмешательство	29
Волосы	31
Воплощение художника	32
Воспоминание	35
Все телевизоры ведут в ад	36
Где же ты, надежда?	39
Господин познаёт искусство	41
Долгим будет путь	43
Друг из цветочного горшка	44
Жертвоприношение	47

За дверью	48
Из больничных наблюдений	50
История отчаяния	51
Какова судьба моя	53
Квинтэссенция	54
Когда я спал	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Текстовый Процессор

Рог изобилия. Секс, насилие, смысл, абсурд

© Текстовый Процессор, текст, 2014.

© «Геликон Плюс», макет, 2014.

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Supremus

Человек пришёл в сознание и обнаружил себя сидящим на софе в незнакомой комнате. Перед ним, несколько в удалении, расстелился угрожающе красный коврик квадратной формы. Единственным источником света служил одинокий торшер, но его вполне хватало для небольшого помещения. Справа – входная дверь с изогнутой ручкой. Это всё. Никого и ничего больше.

Человек резко вскочил, но внезапная головная боль быстро усадила его обратно. Рука нащупала крупную шишку. Однако положение, в котором оказался человек, вынуждало его действовать, а не дожидаться, пока утихнет в голове. Он предпринял повторную попытку подняться и на этот раз остался на ногах.

Первым же делом направился к выходу, молясь, чтобы дверь не была заперта. Она будто откликнулась на молитву и беспрепятственно позволила себя открыть. То, что человек увидел за дверью, повергло его в оцепенение.

А увидел – вроде бы обращённую к нему супрематическую крестьянку с головой, но без лица, и телом словно из завёрнутых жестяных листов. Лишь когда в проёме возникли другие крестьянки, иных красок, но таких же фигур, инстинкт пересилил ужас и человек попятился прочь. Прямо в сторону красного квадрата. Едва нога попыталась ступить

на него, как провалилась в чёрную бездну, утягивая за собой
всего человека.

Он долго летел, пока не угодил в чей-то желудок. Где был
безнадёжно переварен и отправлен дальше по кишкам.

Казимир икнул.

Американская мечта

Я захожу в школу. Идут уроки. Так тихо кругом...

Я предчувствую: *восторг*.

Я следую по коридору. Первый класс, второй и третий.

Голоски малышей.

Я предчувствую: *крушение*.

Я встаю у двери. Достаю пистолет. Снимаю предохранитель.

Я предчувствую: *событие*.

Я врываюсь внутрь. Мгновение... Выстрел – учитель убит.

Я знаменую: *неизбежность*.

Я поворачиваюсь к ученикам.

Я вижу: *цели*.

Я открываю огонь.

Я считаю: *...пять, шесть, семь...*

Я заряжаю последний магазин. Кто-то прибежал вмешаться. Но не успел.

Я сотворяю: *мировые известия*.

Я тяжело дышу. Почти оглох. Впервые трясётся рука.
Я ощущаю: *вселенскую рябь*.

Я перекладываю пистолет. Подставляю к виску. Давлю на
курок.

Я смеюсь: *ваш гнев меня не найдёт*.

Беспомощность духа

Вместе со своим товарищем бомж пробирался по свалке. На время разделились, чтобы больше проверить. Устало перебирая наваленный хлам, бомж вдруг заметил нескрытую банку консервов. Но что именно внутри, понять невозможно: от этикетки только белый клочок. Даже срок годности не значился на жести. Бомж потряс консервы перед ухом... ничего не услышал. Но банка явно тяжелее пустой. Нужно проделать дырку да понюхать. Бомж огляделся по сторонам и нашёл заострённую железку. Приставил добычу и ударил по дну кулаком. Готово, за дело взялся любопытствующий нос.

– Слушаюсь и повинуюсь, – внезапно донеслось изнутри.

От испуга бомж выронил банку, отбежал и укрылся за стиральной машиной. Поклялся не пить ни капли спиртного. Но спохватился и клятву отменил. Взамен – расцеловал распятие, которое всегда носил на шее. В награду Бог ниспослал бомжу смелость. Он решил воротиться к говорящим консервам.

– Нечистая сила! Чего тебе от порядочного человека?! – вооружаясь палкой для обороны.

– Я, твой покорный слуга, здесь, чтобы исполнить, как сумею, три твоих желания.

Бомж оторопел. Палка выпала из рук.

– Джинн, что ли? Вот это да! Какая удача... Ну, пожрать

бы сначала.

– Ваша воля – мой закон.

Из подручного мусора собрался стол, на нём расстелилась тряпка. Пластиковая бутылка наполнилась вином, склеились черепки разбитой тарелки – куриные кости обросли мясом, покрылись румяной кожей. Огрызок яблоком стал.

Бомж от радости взревел. Подхватил волшебные консервы и давай звать товарища, счастьем с ним поделиться. У того отнялась речь, едва рассмотрел, что появилось. Свежая еда! Из ниоткуда!

– Не поверишь, в этой консервной банке джинн сидит! Он и накрыл поляну. Говорит, три желания, чего захочу... Вот я и сообразил, что с голодным желудком особо не разгонишься. А поем – ох и напридумаю!

Душу товарища извратила чёрная зависть. Прыгнул на бомжа, пытаюсь банку отобрать. Ругань, бьют друг друга, перекатываются. Да так увлеклись, что упустили третьего бродягу, который долго уже наблюдал за происходящим из надёжного укрытия, поджидая момент. Бродяга подобрал выроненную банку, завернул в тряпку яства со стола, запихал в карман бутылку и затерялся в мусорных горах.

У бомжа подбитый глаз, у товарища выбитый зуб. И у обоих урчит в животе.

Беспомощность плоти

В зловещем подвале брошенного завода к столбу привязана юная дева. Чудовищу дань. Поддёргивается обнажённая фигурка, вся кожа в мурашках, изо рта вырывается пар. Под белоснежными ногами расплзлось чёрное пятно, пропитанный давнишней кровью щербатый бетон. Такой же след тянется к углу. Там груда переломанных скелетов – всё, что осталось от прошлых даров. По ним лазает голодная крыса. Света почти нет. Один лишь пыльный светильник с треснутым стеклом.

За спиной слышится нарастающий шум. Глаза девы широки, но никого не могут увидеть, только собственный страх, который повсюду. Тяжёлые мучительные шаги. Скрежет ржавого металла. Вперёд выходит железная конструкция. Вместо головы – спрессованный ком, из тулова торчат лишние детали. Существо движется тяжело, скрежетом возвещает о боли. Одна рука замерла совсем, в ней запечатлён наступающий рок, напоминание о неизбежности смерти. Вот уже перестало сгибаться колено. Из себя монстр вытащил бесполезную трубу. По предательской ноге отчаянно ударил. Ещё раз – аж посыпалась ржавая крошка. Ремонт не удался, труба отброшена прочь. Как смог приблизился к рыдающей деве. С подбородка той срываются дрожащие слёзы. Но уже смирилась с судьбой. Подавлен последний протест.

Меж ног существа выдвигается стержень – обёрнут лоскутом изношенной кожи, проволокой колючей обмотан поперх – и просится в лоно...

Нет героя, чтобы деву спасти. Есть только *сейчас*.

Благородных кровей

...И вот открывается задняя дверца блестящего лимузина. Поедающему взору публики является сам Господин. На нём в полоску с иголки костюм, из кармашка гордо торчит сложенный платок, чёрная бабочка на ослепительном фоне сорочки, лакированные туфли. В руке трость с набалдашником из кости слона.

Господин приобнимает свою очаровательную спутницу – в атласном платье, с драгоценным колье, – и они вместе ступают по красному полотну: под истерику вспышек, по брошенным навстречу цветам (растаптывая прекрасные бутоны), в крике тянущихся поклонников.

– Я от вас без ума! – случайная отделяется фраза.

– Вы мой кумир!

– Пожалуйста, хотя бы коснитесь!..

Господин с улыбочивой подругой восходит по лестнице. И я отчётливо вижу... его лицо. Безобразная, тошнотворная маска из гниющих форм. Не сохранилось человеческих черт. Только поглядывающий из глубины глазок да подобие рта, искривлённый разрыв, из которого вдруг закапала противная жижица, марая безупречную чистоту одежды.

Я отшатнулся. Меня затрясло. Господин решил, что от восторга, и, пропустив свою даму вперёд, дружески похлопал по плечу.

Я осознал, что задыхаюсь. Кинулся в бурлящую толпу – на другом берегу свобода! Восторженные вопли, это с меня сорвали отмеченный его величеством пиджак. Кое-как остался в живых. И побежал не глядя.

С той поры меня никто больше не видел.

Божественное мясо

В массивном головном уборе из человеческих костей Верховный жрец торжественно ступил к алтарю и вонзил в прикованного кинжал: сквозь напряжённые мышцы, сквозь мякоть, глубоко – по самую рукоять. Избранный скончался и дух испустил. Жрец руки расправил, вдыхая освобождённую силу. Чтобы вобрать её целиком, затем ещё и вырезал сердце.

– Создатель! Отдай мне себя!

Раздвинулись мощные челюсти из стали, приняли тёплое сердце и взялись жевать. Кровь побежала с подбородка.

– О, великий народ, – после обратился жрец к толпе железа, – я и вас приглашаю отведать наших отцов. Если в нас будет Бог, кто встанет против?

Брачная ночь

В страстном предвкушении заклацали зубы жениха. На обтянутом прозрачной кожей черепе вздулись змеевидные вены. Сорвав с себя тряпки, словно паук, взобрался на брачное ложе, на ледяную каменную плиту. У жениха было шесть рук – сколь многое можно ощущать ими одновременно! И вот по обнажённому телу невесты закопошилось тридцать пальцев. Они ощупывали, они дегустировали, они упивались. Они сеяли наслаждение и ужас. Тонкие и кривые, будто крючки, пальцы по беззащитной плоти. Всюду пальцы! Как насекомые... трутся, жмутся, кишат. Издают шуршащий звук, съедающий весь мир.

Жених над головой невесты. Капли пота срываются на её душистые волосы, капля на щеку. Рот призывно открыт и бездвижен. В него пролезает орган. Слизкий угорь. Он лезет в самое горло, он хочет поглубже, он ищет остаток тепла. Забирается в желудок... здесь есть ещё немного. Сюда! Сюда! Извергается угорь, от напряжения распух, аж хрустнула челюсть невесты. Но вот закончил, вынырнул наружу. Сам жених иссяк. Укрыл покойную избранницу и убрался в логово своё. Подошла к концу любовная ночь.

Быстрейший и неподвижность

Во весь опор мчится скороход. Кто угодил ему под ноги – сразу мёртв. Кто следом пытается бежать – лишь глотает пыль. Кто вздумал остановить – тот самый несчастный, пробит и забыт позади.

Стремглав несётся скороход, кому по силам его задержать?

Но вот впереди выросла скала. И столь велика, что конца ей не видно.

Чтоб не врезаться лбом, скороход в широкий круг забежал, не сбавляя скорость.

– Послушай, – говорит, – отодвинься!

Но скала молчит.

– Я теряю время!

Но скала молчит.

– Ты что, смерти хочешь? Не знаешь, кому преградила путь?

Молчит скала.

– Ну, сама напросилась!..

Скороход свой круг разорвал и взял курс на таран.

Километр, метр, сантиметр – и удар!

Молчит скала. Погиб скороход.

Быстрорастворимый человек

Быстрорастворимый человек, я заливаю его кипятком. Добавляю сахарку. Звонко орудует ложка. Пускай поостынет немного. Затем выпиваю – глоток... глоток... и глоток.

Полоскаю чашку, вытираю полотенцем. Вечером снова буду пить человека. У меня ж целая пачка!

В неизвестном направлении

Я проснулся на заднем сиденье едущей машины. В салоне было тепло и уютно, ровно гудел мотор. Мне стоило больших усилий заново не провалиться в сон. Хотя, может быть, я и не просыпался? Всё вокруг представлялось каким-то нереальным, призрачным... мир перед глазами то расплывался, то приобретал временную чёткость. Словно я застрял где-то между явью и небытием, словно меня поочерёдно омывают их приливы, но ни один не может унести за собой.

Я глянул в окно, стараясь держать глаза как можно шире, часто моргая. Над головой отсутствующее небо, серый-серый свет. Он падал пеплом и хоронил под собою цвета. Вдоль дороги бежал строй высоких столбов, похожих на стоматологические инструменты, и корчились покалеченные деревья с ампутированными ветвями. Невзрачные фигурки людей на тротуарах – выглядят совершенно одинаково, будто это один и тот же человек: вот он идёт вперёд, вот идёт навстречу, идёт сам по себе, идёт вместе с собой. И тут и там навалены кучи мёртвых листьев, точно жертвы чумы, приготовленные для сожжения. Угрюмые блоки домов, один и тот же блок снова и снова. Усыпальницы для бедных.

На мгновение я пропадаю, но сразу возвращаюсь... или не сразу? Не могу понять, ни в чём не могу разобраться. Где я? Куда еду? Зачем еду?.. Вопросы обваливаются на меня,

словно обветшала крыша, погребая без надежды выбраться. Но, возможно, есть ещё последняя надежда. Водитель. Я уже собираюсь спросить его, но вдруг забываю о чём. Я даже его не вижу, как бы широко ни раскрывал глаза, как бы часто ни промаргивал.

Сон почти одолел меня, он подавил сопротивление мыслей. Ещё только отчаянно борется воля, из последних сил. Но тают они так быстро... так быстро... так... быстро. Я засыпаю. И проснусь лишь по прибытии.

Я ведь проснусь?..

Веди меня, ангел

- Куда мы идём?
- Спускаемся в рай.

- Я очень устал.
- Ничего, близок покой.

- Сколько костей!
- Здесь праведных блаженство.

- А в пропасти что?
- Туда сыпается прах.

- Где же Господь?
- Он глубже зарыт.

- С ним хочу повстречаться!
- Тогда бери лопату – начинай копать.

- Сил моих не осталось.
- Не беда. Отдыхай.

Взаперти

Наконец-то мне удалось расслабить верёвку на запястьях и высвободить руки. Сразу же я сорвал с глаз повязку и вынул кляп. Затем со стоном поднялся с холодного пола, пытаясь перебороть ноющее тело. Всё вокруг тонуло во тьме. Но в одном месте из небольшого пролома в крыше вытекал пыльный свет. Я подобрался к нему поближе и попробовал разобраться, где нахожусь.

Всюду громоздились бесчисленные коробки и ящики, многие из которых прогнили и держались только благодаря давней неприкосновенности. Никаких надписей, никаких пиктограмм.

По-видимому, здесь какой-то заброшенный склад. Но как я тут оказался? Меня похитили? Что произошло?..

Стоило мне только заглянуть в свою память, как голова взорвалась нещадной болью. В мгновение к горлу подступила рвота, и меня вывернуло наизнанку. Я высмотрел рядом с собой относительно надёжный ящик и, отираясь рукавом, осторожно сел. Глубокий вдох – медленный выдох, вдох – выдох... Боль постепенно утихла, и меня больше не тошнило. Нужно выбираться отсюда, да поскорее, мне требовалась медицинская помощь.

Вставая с ящика, я ненароком задел коробку, лежащую по соседству, которую раньше не заметил, и та свалилась на

пол. Из неё высыпались какие-то карточки. Я наклонился и поднял одну, поднёс её к свету. Это была фотография. На ней – мужчина и женщина обнимают друг друга на фоне моря. Незнакомые мне люди. Типичный для открытки пейзаж. Ничего необычного. И тут я что-то почувствовал, какую-то подсказку, но не смог уловить её смысла. Я приблизил фотографию к глазам.

Сверху неожиданно гроыхнуло, и пролом закрылся. В тот же момент я захлебнулся во тьме. Меня объяло ужасом, и он бездумно рванул вперёд. Ноги беспомощно заплелись – следом рухнуло тело. Кажется, я сломал себе руку.

Пальцы едва шевелились, а боль мutilа рассудок. Понятия не имея, как вправляют сломанные кости, да и отваги не хватило бы, я лишь сделал повязку из своей рубашки. Пришлось зажать в зубах сложенную ткань, пока доставал из рукава повреждённую конечность.

Боль отнимала и так истощённые силы, но не оставалось иного выбора, кроме как искать выход, искать помощь. Я мог бы надеяться, что меня кто-нибудь найдёт, но боялся последствий перелома, оставленного без должного внимания. Мало того, ситуация могла стать ещё хуже. Если похитители существуют на самом деле, моя сломанная рука может вынудить их избавиться от меня.

Пробираясь на ощупь, предельно осторожно, сумел-таки добраться до стены. Я двинулся вдоль неё, обходя приставленные к ней ящики, пока наконец не набрёл на узень-

кую полоску света из-под двери. Снаружи наверняка дежурит охранник. Но... почему он тогда не отреагировал на шум моего падения? Этому есть объяснение: охранник куда-то отлучился в тот момент, вероятно – справить нужду. Предполагалось, что я крепко связан, беспокоиться не о чем.

Пытаясь разработать хоть какой-нибудь план, я случайно наступил на камень, которым скорее всего придерживали дверь на месте, чтобы та не закрывалась раньше времени. У меня появилось оружие. Шансы на успех, учитывая моё состояние, по-прежнему оставались низкими, но заметно подросли. Плечом я приотворил дверь...

Затем ещё и ещё, вот уже распахнул настежь. И... ни души. По телу прошла дрожь, пальцы сами разжались, выронив камень. Дверь позади захлопнулась. Я стоял посреди бесконечного коридора, освещаемого хребтом умирающих ламп. Они трещали, жужжали, гудели. Молчание хранили только уже потухшие позвонки, осколки которых лежали на бетонной земле. Со стен коридора на меня беспардонно глазели иллюминаторы. Я неуверенно подошёл к одному, и в его мутном оке проплыла рыба. Я отшатнулся, у меня перехватило дыхание... неужели на дне? Господи Боже, что происходит, что здесь творится?..

Воплем из меня вырвалась чудовищная головная боль. Из носа вытекла кровь. Прямо надо мной лопнула лампа, и осколок поцарапал лицо. Чуть-чуть в сторону – и не стало бы глаза. Вокруг меня образовалось сумрачное пятно. Сознание

ускользало, но в последний момент я завладел им снова. Затем вытер с губы кровь и дождался, когда иссякнет боль.

Нужно идти, нужно искать спасения. Ты должен жить. Ты должен жить... Я поплёлся по коридору без малейшей надежды, управляемый лишь примитивным инстинктом. Но через несколько шагов путь мой прервался. Вдалеке возникло стремительное движение. Мой измученный болью разум отнюдь не сразу понял, что необходимо бежать. Бежать со всех ног. На меня неслась бушующая стихия.

Я повернул и помчался обратно к складу, это единственное решение, которое пришло в голову. Некстати напомнила о себе сломанная рука, но инстинкт оказался сильнее. Я достиг двери, но она не открылась.

Господи, она не открылась!.. Ещё попытка, ещё – не получается, заклинило, я не могу, не могу!.. Прости, пожалуйста, прости!

Вода заливает весь мир. И уносит с собой.

– Ты говорил, что любишь меня...

– Я люблю тебя.

– ...ты говорил, что никогда не оставишь меня...

– Я не оставлю.

– ...ты говорил, что сделаешь меня счастливой.

– Я сделаю тебя счастливой.

Догорало несколько свечей. Их предсмертное пламя выхватывало из тьмы стоящую девушку. В её волосах запута-

лись водоросли. С кончиков падали капли. Под ногами растеклась лужица воды, в которой изредка ещё билась обречённая рыбёшка.

– Ты говорил, что всё будет хорошо.

– Всё будет хорошо.

Девушка обернулась, и я разглядел её мягкую улыбку.

– Иди ко мне, мой любимый...

– Я иду к тебе, моя...

Нет больше пламени. Кругом темнота.

Влюблённый пластик

Меня зовут... по-разному. Я манекен. И работаю в магазине одежды. Ночью просто стою. Вместе со мной работает обворожительная напарница, демонстрирует посетителям модные наряды. Мне бы хотелось подойти к ней, поведать о чувствах, но каждый раз в момент решения не могу сдвинуться с места. Возможно, дело в штыре, который глубоко засажен в пятку? Нет, проблема во мне самом, и я должен себя перебороть: сегодня или никогда... Сегодня! Только сегодня!

...Что происходит? Куда несёте?.. Моя рука! Вы забыли мою руку! Вернитесь, назад!..

...Как горячо, я будто плавлюсь. А!.. Кто здесь? Неужели – вы! Тайная возлюбленная! Столь многое у меня на душе, слушайте, слушайте! Мы теперь станем едины.

Вмешательство

Я совсем не чувствовал своего тела. Даже голову не смог повернуть. Но я запомнил обёрнутый клеёнкой стол, на который меня перенесли некоторое время назад, и медицинское оборудование, расставленное рядом.

На втором ярусе помещения в тени и сигаретной дымке шевелились десятки людей. Они переговаривались, указывая в мою сторону, а иногда из общего гула вырывался внезапный смешок. Как показалось, люди носили военную форму.

Ко мне приблизился человек в маленьких круглых очках. Проверил пульс и посветил в глаза. Затем вышел из моего поля зрения. Вскоре я начал различать чью-то речь на незнакомом языке. В её завершение стоящие выше заплодировали.

Тот же человек вернулся, я узнал его по очкам, но уже в операционном облачении. Помощник подкатил к столу тележку, по всей видимости, с инструментами и зажёл надо мной беспощадные светила.

Когда скальпель разрезал мне брюшную полость, я этого не почувствовал. Но я всецело ощутил свою незащищённость, свою уязвимость... ощутил, что *раскрыт*. Когда в меня погрузились обе руки, гладкие перчатки, я этого не почувствовал. Но я безраздельно ощутил: единство нарушено, непри-

косновенность утрачена, сокровенное осквернено.

Перед тем как расстаться и впасть во мрак, я ещё успел увидеть *мои* внутренности. Теперь уже обыкновенные внутренности животного – противные испускающие пар кишки, – которые вываливали в подставленное ведро.

Волосы

Я стоял у зеркала и старательно выбривал подмышки. Довольный результатом, покинул ванную комнату, как вдруг остолбенел: стена в прихожей сверху донизу заросла волосами.

– Безумие! – закричал я и метнулся за машинкой для стрижки.

Воткнул прибор в розетку и давай исступлённо стричь! Но волосы отрастали заново прямо на виду. Более того – из пола, меж половиц, начали пробиваться отдельные пучки. Вскоре и шкаф покрылся волосами... даже телефон! Машинка моя от натуги заглохла.

– Проклятие! – я побежал за ножницами.

А когда вернулся, на потолке меня поджидала новоявленная родинка, из которой гордо торчал белёсый волосище. Я подставил табуретку, взобрался на неё, злорадно чикнул у самого его корня. И в то же мгновение лишился собственной головы.

Воплощение художника

Перед громадным полотном спиной ко мне стоит таинственная фигура. Кровоточат источенные пальцы, по локтям стекает кровь. На полотне – весь мир новорождённый, в центре – человек.

– Как звать тебя? – обращаюсь к незнакомцу.

– Богом можешь звать.

– Для меня большая честь – Бога встретить.

– Для меня большая честь – им быть.

– Скажи, чем занят ты?

– Не видишь, что ли? Себя пишу и миром окружаю.

Красная капля сорвалась с локтя. За ней ещё одна.

– Но ты умрёшь от потери крови, серьёзны твои раны!

– Ха-ха-ха-ха!.. Погибая, оживаю – ибо никогда не жил ещё. Я со смерти начал, обманув природу, я вторгся в вечность на своих ногах, а не спущенным в гробу, – поясняет Бог. – Не для того ли плоть дана, чтобы ею творить, не для того ли дух, чтобы им наделять? Не для того ли я, чтобы всем стать, чтобы всё было моим и всё было из меня?

– На бегство похоже, если смею заметить, себя вот так растратить.

– Другое похоже на бегство – себя закрыть. Сущность должна быть выражена, должна быть направлена и воплощена вновь. Да я и сам – чья-то сущность, выражение кого-то,

но и он и я – одно: времени ступени. Переход по ним обновляет, как ребёнок обновляет старика.

– Но ты ведь Бог! Что было до тебя?

– Мой отец, мой дед и прадед... Вопрос в ином: что есть без меня? Не светит солнце, не рождается луна. Нет ветра и нет дождя. Земля стоит на месте. Во мне – движение, я – движение.

– Без тебя лишь смерть?

– Нет, без меня – ничто. Движением я приношу и жизнь, и смерть. И приношу я смысл. Я приношу цвет.

– Каким же будет цвет?

Смеётся Бог.

– Каким захочу!

– Он будет красным...

– Да, он будет красным. Ибо до него всё было серым, самым опасным из цветов, на грани балансировал его смысл, то и дело склоняясь в пустоту. Я же – целиком её залью. И буду пылать, пока не выпьет время, пока не посыплется в трещинах краска.

– Трагична твоя судьба, Красного Бога, утратить свой пожар и раскрошиться.

– Судьба моя естественна и не имеет конца. Вернусь я в новом облиции, свободном от усталости, снова буду свеж и лёгок. Я буду незнаком и открыт для познания.

– Кто же будет познавать тебя?

– Мой сын, мой внук, мой правнук...

Помолчав немного:

– Скажи мне, Бог, кто я тогда?

И повернулся Бог ко мне лицом. Несколько печальным оно показалось, но его глаза... были они такой силы, что всё вокруг них разом растворилось, а я тут же подчинён. Охваченный невообразимым, но полным восхищения ужасом, я вдруг осознал, что пропадаю в них! Было слишком поздно противостоять, миг меня не стало. Воцарилась тишина.

Наконец художник вернулся к незаконченной работе.

Воспоминание

Встреча. Объятия – поцелуй. Мягкий шёпот, слова любви. Тепло дыхания, аромат духов. Порыв ветра. Обещание. Улыбка. Мгновение сквозь время. Вечность...

...Я достигаю земли.

Все телевизоры ведут в ад

Поужинав, лысый мужчина уселся в кресло для просмотра вечернего выпуска новостей. Но телевизор никак не включался. Не помогла и замена батареек в пульте. Кнопки на самом корпусе также не подчинялись и лишь издевательски щёлкали. Был ли телевизор в сети? Разумеется! Это вам не комедия.

Мужчина растерянно почесал свою лысину. Как неожиданно на ум ему пришла невероятная идея. Он отправился к кладовке и после нескольких минут грохота отыскал-таки молоток и фонарик. Проверил его: свет ослаб, но излучался. И вернулся к телевизору.

Лысый вдруг подумал: а не покурить ли сначала? Но решил не оттягивать неминуемое и ударами молотка взялся выбивать чёрный экран. Затем избавился от осколков, что ещё торчали кое-где вдоль рамы. И, затаив дыхание, осветил внутрь.

Пещера. Вернее – неровный лаз сквозь каменную породу. Лысый даже испугался. Не столько факту наличия прохода, сколько неизбежности его исследования. Любопытство тянуло туда с колоссальной силой. Пришлось собраться с духом и лезть к неизвестному, сердцем надеясь, что это не станет роковой ошибкой.

Путь оказался крайне опасным: острые, как бритва, вы-

ступы разрезали одежду, на теле появились жгучие порезы. Только благодаря неторопливости и аккуратности удалось избежать более серьёзных ранений. А привёл этот путь к обратной стороне другого экрана. Недолго думая, лысый врезал по нему со злостью возмездия за причинённую по ходу боль.

В то же самое время пятнистый старичок смотрел свою любимую развлекательную передачу. И когда экран изнутри пробил молоток, а из проделанной дыры высунулась разгневанная лысая голова, свалился замертво.

Лысый выбрался из телевизора, толком и не осознавая, что произошло. Внезапно с воплем «Грабитель!» на него бросилась старушка. Но поскольку была почти слепой, нож в её руках довольствовался лишь воздухом. Лысый же, беспомощно руководствуясь инстинктом самосохранения, огрел старушку молотком и мгновенно убил.

«Что, чёрт возьми, только что случилось?» – в смятении задался мужчина, теперь убийца.

В его ногах лежало два трупа. Пожилая пара, муж и жена. Молоток порозовел от крови. Где-то в совсем другой вселенной тикали часы и шло время. Шло быстро.

– Открывайте, полиция! – затарабанили в дверь. Наверняка кто-то из соседей вызвал наряд, услышав шум и крик «грабитель».

Лысый в ледяном ужасе спешно полез обратно через телевизионный проход, забыв о всякой осторожности. Он лез,

нещадно разрезая себя о каменные бритвы. Лишился руки. Лишился ноги. Вот и голова отрезана. А ведь и половины пути не успел преодолеть. Так и остался частями лежать.

Проход исчез без следа. Лишь два разбитых телевизора. И никакой между ними связи.

Где же ты, надежда?

Наконец закончилась пустыня. Вот начинается другая. У перекошенных врат безмерного кладбища, в свете холода луны, остановился путник одинокий. Мёртвый ветер его пронизал. У самого входа, в осквернённой ныне могиле, раньше покоился Господь. Но памятник рухнул и раскололся на куски. Выкопан гроб и разбросаны жёлтые кости. Пробитый череп, выбитые зубы. Тут и сигаретные окурки, тут и бутылок осколки. Ещё слышится слабое эхо смеха дурного, что некогда здесь бушевал.

Путник вздохнул тяжело, поклонился. И побрёл через кривую раму врат.

«Оставь надежду, всяк сюда входящий!» – предупреждение потеряло свои буквы, лежали они на земле, втоптаны в грязь.

Путника встретил безрукий хранитель.

– А-а-а... – выдохнул он. – Пришёл на торжество? Позволь взять твою одежду...

– Прочь! – отмахнулся путник. – Живой! Живой!..

Сплюнул хранитель, лицо скривилось в отвращении.

– Чего тебе тогда? Вон пошёл! Оставайся, как и был – без никого!

– Хочу найти...

– Убирайся, я сказал! А не то... не то... – зарыдал безру-

кий, обвалился на колени. Так и застыл.

Долго блуждал путник меж могил и мертвецов. Дни, недели, месяц, год. Утомился очень, на скамью присел. Рядом надгробие с именем стёртым.

В тот же миг сквозь землю вылез труп.

– Наглец, постыдник... мразь! Сгинь с места моего!

– Тебе ли не всё равно, покойник?

– Да как ты смеешь только!

– Ходил я день и ночь, тысячи шагов. Искал я жизни про- блеск. Искал надежду. Не поверю, что никто не взял её с собой – вопреки этому гиблому месту, вопреки предупреждению, вопреки себе! Неужели никто не отважился, никто не пронёс? Неужели смирились все и теперь наслаждаются своим разложением?..

Но труп не расслышал до конца, отвалились уши.

– Что?.. Ходил? Ещё походишь!

С трудом поднялся путник, задрожали ноги. Но не вся пропала сила, ещё не вся.

– Иди! – забрался труп обратно и как смог себя перехо- ронил.

Путник продолжил свой поиск... Пока не упал.

Господин познаёт искусство

Славным весенним деньком знатный господин беззаботно гулял по городским улицам. Щедро светило солнце, изредка пролетал ветер. Ничто не предвещало беды. Но вот господину стало плохо. Скрутило в животе, участилось дыхание, рассеянно забегали глаза. Как назло – рядом ни души, на помощь не позвать. Тело затряслось, выступил пот. Господина вырвало прямо на тротуар.

Как-то сразу полегчало. Да, заныла слабость, но в ней было и успокоение, ведь испытание теперь позади. Господин с отвращением глянул на содеянное и виновато осмотрелся по сторонам... Вроде никого. И куда все подевались? Снова опустил взгляд себе под ноги. И вдруг на господина снизошло озарение... Он разглядел чудо. Человеком сотворённое чудо! И не кем-нибудь из толпы, а самим господином! Сотворённое его нутром, вышедшее из недр его существа. Янтарно искреннее произведение, в нём запечатлелась, казалось бы, неуловимая суть человеческая. И рождено, как полагается рождаться: через мучение – к радости!

Господин огляделся повторно, на сей раз не стыдливо, но с гордостью. Где же зрители?! Он призывал, он смеялся и плясал.

«Вы только взгляните! Какая экспрессия, какая раскрепощённость, какая концентрация внутреннего мира! Разве бы-

ло в искусстве нечто подобное?.. Да чего там скромничать! Было ли вообще искусство доселе? Одни подделки, бледные тени!»

В экстазе господин упал на колени и принялся жадно вдыхать запах художественной выразительности. Да так увлёкся, что потерял сознание и лицом вмазался в шедевр.

Наступил вечер. Господин очнулся от холода. Сильно кружилась голова, подкашивались ноги. Протерев лицо платком, господин кое-как побрёл домой. Всю дорогу он думал о горячей ванне, плотном ужине и постельном уюте. Представлял себя чистым, сытым и отдохнувшим.

Долгим будет путь

– Чудовище смотрит моими глазами. Чудовище творит моими руками. Кто же я? Неужели... Нет! Человек – человек!

– Почему тогда обитаешь впотьмах? Почему отвергаешь уклад? Почему не знаешь любви?.. Не пытайся нас обмануть – и не приближайся, сам помирай.

– Человек, только возьмите!

– Мы видим ясно, ужас и хаос носишь в чреве своём. Поэтому тебе говорим: вернись к нам после тысячи пройденных дорог, вернись опустошённым – освобождённым, среди нас появится место.

И отправился в поход роковой с надеждой исцелиться. Первую начал дорогу.

Друг из цветочного горшка

На закате своей жизни пожилой вдове стало слишком уж тягостно от одиночества. И решила она вырастить себе друга. Ранним утром отправилась в магазин и купила всё необходимое для посадки: цветочный горшок, мешок земли, удобрения и... мужское яичко!

По прибытии домой вдова принялась за работу, а некоторое время спустя уже поливала свежую землю, бормоча некую молитву. Сам горшок вдова разместила на подушке рядом со своей. Постель как-то сразу преобразилась, сделалась уютней и теплей. И так, в хлопотах и уходе за ним день ото дня, вдова дожидалась рождения своего нового и единственного друга.

Сначала на свет появилась макушка. Затем выдался лоб. Заморгали глаза, вылезли нос и уши. Наконец – видны рот и подбородок. Целая голова! Настоящий мужчина! И он принадлежит старой вдове, только ей на радость. Закончилось мучительное одиночество. Что же началось?..

Каждый день был одинаков. Открывался с того, что вдова несла горшок в ванную и тщательно вымывала волосы своего мужчины. Чистила ему уши, чистила ему зубы. Приказывала сморкаться, прикладывая платок. И даже брила!

После всех процедур следовал завтрак. Вдова поливала голову дистиллированной водичкой, предварительно рас-

творив таблетку с витаминно-минеральным комплексом, и слегка удобряла землю. Совсем чуть-чуть – боялась, что голова может расползти и её придётся пересаживать.

Покончив с завтраком, вдова брала своего друга на прогулку. Всегда носила в руках, крепко прижимая к груди. И всегда надевала ему шапку. Что зимой, что летом.

По возвращении с прогулки горшок оставляла перед телевизором, пока вдова справлялась с делами по дому. Позже она присоединялась к просмотру и так часами сидела с улыбкой на лице, поглаживая выращенную голову, словно кота.

С наступлением вечера приходила пора ужинать. Обед вдова намеренно пропускала: считала, что он бесполезен и клонит в сон. Для головы ужин ничем не отличался от завтрака. Кроме одной детали – в привычную воду добавлялся крошечный кубик сахара.

После трапезы повторялись утренние процедуры. Все без исключения. Даже бритьё!

Затем пора ложиться спать. Горшок, как и прежде, ставился на соседнюю с вдовой подушку, но теперь ещё и укутывался шерстяным одеялом. Поцелуй в лоб – и гаснул свет.

Так заканчивался день. Хотя он не заканчивался никогда.

Что и говорить... жизнь головы была несчастна и безысходна. Ещё хуже той становилось от лицемерия цветов, в уединении стоящих на подоконнике. Они нежились на солнце, распускались, вяли, размышляли о своём. Им редко докучали. Но гораздо хуже становилось во время прогулок, ко-

гда всюду росли независимые растения и деревья. Их питал свет, их питал дождь. Никаких леек, никаких старух.

– Ах, – вздыхала голова. Но что она могла сделать? Нет ни рук, ни ног. Под постоянным надзором. Ночью?.. Но что? Что?..

И от безнадёги начала голова умирать. Вся засохла и потрескалась. Её покинула жизнь.

Вот вдова снова в чёрном. Сегодня похоронила любимого друга. Одна. И будет отныне, пока не испустит дух. Если только...

– Скажите, а второе яичко ещё в продаже?

Жертвоприношение

Просторный зал с роскошным убранством. Десятки знатных гостей. Шампанское, вино, изысканные закуски. Торжественный приём. Слышны учтивые беседы, иногда – сдержанный смех, лёгкий звон бокалов. Но вот слышится кое-что ещё. Нечто стремительно приближается извне. Топот многочисленных ног. Пугающий топот неизбежности.

Распахиваются двери. Зал обездвижен. Страх растёт из глубины. Что видит зал? Он видит толпу мясников. Белые фартуки, бурые пятна. В руках сверкают тесаки. Лица спрятаны за масками скотины. Ещё миг тишины, фотография на память, и начинается рубня. Сталь сквозь плоть и кости. Пошадь!.. Лишь боль и кровь, лишь смерть.

Уже последний крик, последняя жертва. С убитых срывают всю одежду. Голые тела, их части – в чудовищную кучу. В ней все равны, и нету больше никого. Головы, руки, ноги... словно бы принадлежат одному. Одному по имени Ужас. Пора вносить божество. Пора!

На плечах в зал прибывает трон. На нём восседает освежёванная туша. Проткнута крюком. Вокруг выются мухи, она уже начала гнить. Её обступают мясники. На колени! И предлагают туше свой дар.

За дверью

Меня разбудил холод. Тюль вздымался и опадал по велению ветра. Рука мороза без стеснения ощупывала мою комнату. Я захлопнул форточку, залез в толстый свитер и отправился на кухню, по дороге растирая ладони. Когда вскипела вода, заварил большую кружку чая. Отпивая по чуть-чуть, я наблюдал из окна за людьми, что неуклюже пробирались по сугробам. Ноги проваливались в снег и становились непропорционально короткими. Мне представился прыжок на таких ногах, и этот образ вызвал приступ жалости.

Неожиданно раздался звонок в дверь. Интересно, кто бы мог быть? Опустив кружку на стол, я прошёл в прихожую и выкрикнул: «Кто там?» В ответ ничего. Я прислонился к дверному глазку и заглянул в него. Но это дверной глазок заглянул в меня.

В мрачном коридоре, близко к двери, стоял плотно одетый мужчина. Лицо его скрывали широкополая шляпа и натянутый шарф. Мужчина обнимал стоящую к нему спиной обнажённую женщину. Она сильно дрожала, и дрожью её наслаждались и холод, и страх. Она безмолвно плакала, и слезами её наслаждалась тишина. Чёрные перчатки: одной рукой мужчина слегка сдавливал левую грудь, второй – гладил полосу волос на лобке.

Так длилось целую вечность, я смотрел на пару и не мог

пошевелиться... я был испуган, да, но и зачарован, что пугало меня ещё более. На мне по-прежнему свитер, майка уже прилипла к телу. И тогда я моргнул в первый раз с момента, как прильнул к глазку.

Изображение словно порвалось, а возобновилось с другого места. Теперь мужчина безжалостно душил женщину. С него слетела шляпа, но лицо так и не явилось: его полностью закутывал шарф. Я тут же попытался открыть дверь, но замок заело. Сражаясь с ним, я снова и снова возвращался к глазку, чтобы захватить, как женщина опускается всё ниже и ниже, как замирают её очи.

Наконец мне удалось справиться с замком. Но в коридоре никого... Только перевёрнутая шляпа.

Из больничных наблюдений

– Мама, ну что случилось? Почему ты плачешь?

Я сидел в ожидании своей очереди на приём и, совершая мимолётные взгляды, чтобы себя не выдать, следил за старушкой и поддерживающим её сыном.

– Вот так... – успокаивал он, утирая платочком влагу с лица матери.

Женщина скрепила в ладонях дряблые руки и прижала к груди.

– Пойдём посмотрим в окошко, пойдём?

Стыдно признаться, но вместо человеческого существа старушка представлялась мне неким прямоугольником, тяжёлым и монолитным, словно каменная глыба, едва перемещающаяся безотрывными шажочками опухших ног, почти полностью укрытых длинной юбкой.

– Смотри, машинки... Мама, ну в чём дело? Ты снова плачешь?

Я мог расслышать жалобное подвывание и тихие всхлипы.

– Давай-ка присядем, а? Осторожно... вот. Видишь, всё хорошо.

Удивительно, но лицо женщины странным образом выглядело совсем по-детски. И глаза – эти наивные ищущие глазёнки – за ними не было никакой мысли.

История отчаяния

Послушайте историю отчаяния, которую рассказала мне ночная тишина.

В одном городе, в одной комнате бытовал одинокий мужчина. Сначала у него умерла мать, потом... потом уже никого. Жену он так и не подыскал. Хотя, признаться, искал довольно странно: выбирал глазами и молчал. До поры, пока женщина, не подозревая, что её нашли, не пропадала из поля зрения. Невинно, как будто ничего и не случилось. Тогда мужчина понимал, что ошибся в своём выборе, и вновь принимался шарить по лицам в поисках той самой. Следует отметить, что вкус мужчины постепенно дешевел, требования смягчались, кандидаток становилось всё больше. За прогулку он мог заметить и разочароваться в десятках. Ну хоть кто-нибудь! Нет. Никто не отвечал взаимностью. Вы спросите, а на что, собственно, было отвечать? От подобного вопроса у мужчины разболелось бы сердце.

Со временем он стал ощущать себя вещью. Сидел как стул, лежал как кровать. Даже симулировал телефонный звонок. Бессмысленно катался по полу, заворачивался в ковёр. Не двигался часами. Пытался не дышать. А как-то раз выкрутил указательный палец и положил в коробку с шурупами. Иногда представлял себя дверью и, стоя в проёме, открывал-закрывал, открывал-закрывал. Когда надоедало – сры-

вался с петель и выбивал стёкла. Так лишился всех своих очков. Пришло к тому, что мужчина решил представиться стеной. Выдолбил нишу и оклеил спину обоями. Он становился частью великого беспросветного целого и не чувствовал более одиночества. Но оно всегда возвращалось вместе с усталостью в ногах. И приносило с собой ненавистное осознание. *Я человек. Почему я человек!..*

Волочился день, волочилась ночь. На улицах люди шли и проходили. Наконец, мужчина не выдержал и сорвался. Он схватил нож, выбежал из дома и заколол первого же встречного. Никто не заметил. Не заметил! Тогда заколол второго встречного. Выпотрошил третьего... Зарезал всю семью. Горе! Люди шли, люди проходили. Мужчине не оставалось иного.

Какова судьба моя

В неподвижных водах безразличия, во тьме без глаз, во сне без сна я пребывал веками. Обо мне никто не знал и не желал найти. Память не ведала моих следов, нет пути – сплошное поле. Но случилось так, что однажды закричал. Впервые мой крик услышал мир... и я сам услышал! Закончилась непрерывность тишины, теперь известно мне, как её нарушить, как заставить ждать. Вот и власть познал, ещё и минуты от роду нет.

С годами крик мой всё сильнее, всё громче. Мир уже страшится. Он чувствует угрозу, он чувствует врага. Мир *другой* грядёт. И хочет тот всемогущего права. На слово и смысл, на дело и мотив. Хочет истину и ложь. Проникает всюду, изменяет каждую деталь. Чего бы ни коснулся – становится его.

Мир пытается убить *другого*, самозванца, но не справляется с глубокими корнями. Они в сознании людском и держатся крепко. Тогда мир убивает тех людей, меня убивает. Но крик победить ему не по силам. Его воздух вобрал. И каждый, кто дышит, отныне вдыхает мой дух.

Такова судьба моя: бросить вызов – завоевать – и быть всегда.

Квинтэссенция

Я хочу обрушить на тебя всю невозможную мощь, я хочу почувствовать удар и озариться сенсацией боли – вкусить уничтожающую силу, сломав о тебя руку, дабы часть меня погибла вместе с тобой.

Я хочу настигнуть. Единым стать, забыв о себе, забыв о тебе. Проводником стать, воплощением... самим откровением!

Я и ты, мы оба жертвы. Но мы ещё и причина, мы открытие, мы способ. Жертвенность наша – врата и дорога. Это мы создаем ваш путь, это мы ведём вас, о великие Силы! И это мы, кто вами правит. Вы без нас заперты.

Мы – ваша свобода!.. Мы – ваша судьба!

Когда я спал

Таинственный грот. Подземное озеро. Сквозь расщелину подглядывает луна.

У воды разделись ведьмы. Белые, словно плоть их из мела. Но чёрные волосы, красные губы. Ведьмы весело пляшут, ведьмы резвятся.

Я напуган. Повержен рассудок. Сердце в бегах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.